

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

На правах рукописи

Хохлов Антон Михайлович

МИРОСОЗЕРЦАНИЕ ЛЬВА ШЕСТОВА:
МЕЖДУ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОГОЙ И БИБЛЕЙСКИМ ТЕКСТОМ

Специальность 09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва 2013

Работа выполнена в аспирантуре Государственного академического университета гуманитарных наук, в Секторе истории западной философии Института философии РАН

Научный руководитель: доктор философских наук
Синеокая Юлия Вадимовна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Лифинцева Татьяна Петровна
доктор философских наук, профессор
Ванчугов Василий Викторович

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов, кафедра истории философии

Защита состоится «26» ноября 2013 года в 15:00 часов на заседании Диссертационного совета Д. 002. 015. 04 Института философии РАН по адресу: Москва, ул. Волхонка, д. 14/1, стр. 5, зал заседаний Ученого совета (к. 524)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН

Текст автореферата диссертации вывешен на сайте ВАК <http://vak.ed.gov.ru/>

Автореферат разослан «_____» октября 2013 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.В. Черняев

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Диссертация посвящена творчеству русского философа Льва Шестова (1866-1938). Работа выполнена в традиции историко-философских исследований о Шестове и наследует уже имеющимся в этой области разработкам. В диссертации предпринята новая попытка анализа и интерпретации шестовской философии – сквозь призму четырех попарно связанных категорий: во-первых, тревоги и религиозной веры и, во-вторых, абстрактного философского понятия и религиозного мифа.

В рамках данного исследования также осуществляется попытка включить творчество Шестова в широкий историко-философский контекст – сопоставить его идеи с философией других авторов близкого Шестову экзистенциального направления.

Тема данной работы становится особенно актуальной в свете противоречивых тенденций в социальном развитии, когда экзистенциалистские вопросы о вере и неверии, долге и вине, трагической осмысленности и тотальной абсурдности человеческого существования приобретают самое конкретное социальное проявление. Речь идет, с одной стороны, о несомненном нигилистическом тренде, проявляющем себя в различных формах саморазрушительного и антисоциального поведения. Здесь мы имеем дело как бы с «претворением» в жизнь практики антигероев Федора Достоевского и Альбера Камю. С другой стороны, мы видим несомненный тренд религиозного радикализма, который также выливается в схожее по форме саморазрушение и насилие. В последнем случае мы имеем примеры «воплощения» в жизнь тех моделей фанатического поведения, которые с большой точностью описаны Карлом Ясперсом и Паулем Тиллихом. И те и другие эксцессы вызывают трагические последствия. И сегодня особенно важно противопоставить противоречивым эмоциям тщательный философский анализ. На сегодняшний день очевидно, что и возрастание, и убывание религиозности амбивалентны с точки зрения последствий для жизни каждого конкретного человека и общества в целом. В этом смысле, нас будет интересовать та

трудноуловимая граница, которая отделяет религиозность как невроз и религиозность как одно из средств обуздания экзистенциальной тревоги.

В свете вышесказанного становится ясно, что рассматриваемые нами темы экзистенциальной тревоги и возможности её снятия посредством усвоения религиозных представлений, поднятые и разработанные философами-экзистенциалистами, в частности, Львом Шестовым, вне всякого сомнения, были и остаются актуальными для нашей современности.

Степень научной разработанности темы исследования

Несмотря на то, что за последние двадцать пять лет российскому читателю стал доступен большой объем сочинений Шестова, а также исследовательской литературы, ему посвященной, историко-философскую разработку сложного творческого наследия этого философа трудно считать достаточной. Это замечание справедливо как в отношении разработки шестовского наследия самого по себе, так и в плане включения этого наследия в более широкий круг историко-философских исследований.

Шестов привлекал и привлекает к себе ясно документированное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Ему посвящают статьи, монографии, диссертации. Можно даже говорить об определенной «моде» на Шестова (она, вероятно, до некоторой степени связана с современной «модой» на Ницше). Богатый материал оставили нам современники Шестова – его родственники, коллеги, друзья и знакомые. Среди них можно указать Н. Баранову-Шестову, Г.Л. Ловцкого, Б.Ф. Шлёцера, Б. Фондана, Е.К. Герцык, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Г.П. Федотова, М.И. Цветаеву, Иванова-Разумника, М. Ремизова, В.И. Иванова, М.О. Гершензона, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, С.А. Левицкого. Среди отечественных исследователей, писавших о Шестове, можно назвать В.Ф. Асмуса, В.А. Кувакина, Н.В. Мотрошилову, В.В. Ерофеева, Л.М. Мореву, А.В. Ахутина, В.В. Сербиненко, С.А. Полякова, Ю.В. Синеоку, В.Л. Курабцева, В.В. Лашова, Р.А. Гальцеву, Б.Н. Тарасова, К.С. Корконосенко и др. Из зарубежных авторов, писавших о Шестове, упомянем Дж. Уэрнхэма,

Ф. Коплстона, Дж. Клайна, Л. Шейна, К. Коутса, Ж. Майя Нето, А. Камю, Э. Сиорана.

В рамках настоящего исследования творчество Шестова рассматривается в сопоставлении с наследием таких мыслителей как Б. Паскаль, В.Г. Белинский, Ф.М. Достоевский, Ф. Ницше, А.П. Чехов, М. де Унамуно, У. Джеймс, Г. Риккерт, Э. Мунье, А. Камю, П. Тиллих, Э. Сиоран, П. Адо.

Цель и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является выявление и анализ той внутренней логики мировоззренческого поиска, которая в конечном итоге позволяет Льву Шестову преодолевать экзистенциальную тревогу посредством обращения к мифологическим сюжетам, почерпнутым из библейского текста.

Наше рассмотрение задается двумя основными оппозициями, обнаруживаемыми в мышлении Шестова. С одной стороны, это оппозиция экзистенциальной тревоги, как отправной точки шестовского философского дискурса, и её «принятия в мужество самоутверждения» (по терминологии Пауля Тиллиха), как цели шестовского мировоззренческого поиска. С другой – это оппозиция между двумя способами мышления, которые обнаруживаются у самого Шестова: мышлением собственно философским, понятийным и мышлением образным, мышлением в мифах. Первая оппозиция касается содержательной стороны шестовской философии, вторая – стороны формальной. Наше внимание в данном случае будет приковано к такому конкретному вопросу: какая внутренняя связь в мирозерцании Льва Шестова существует между двумя этими оппозициями, фактически, между формой и содержанием шестовской мысли? Мы стремимся показать, как сложная и парадоксальная диалектика двух вышеуказанных способов мышления приводит Льва Шестова к обузданию экзистенциальной тревоги и её преодолению.

Для достижения указанной цели в диссертации определены следующие задачи:

1) Выявить и описать исходный пункт философствования Шестова – ситуацию экзистенциальной тревоги, находящую свое выражение в трагическом вопрошании; показать, что целью философской работы является для Шестова преодоление состояния экзистенциальной тревоги;

2) Представить анализ структуры экзистенциальной тревоги в философии Шестова, сопоставив его творчество с наследием Пауля Тиллиха.

3) Произвести сравнительный анализ отношения к религиозной вере у Шестова, сопоставив его творчество с философией Мигеля де Унамуно и Альбера Камю.

4) Исследовать взаимосвязь абстрактных понятий («жизни», «мистического», «рационального») и мифологических образов, как она проявляется в творчестве Льва Шестова на разных его этапах.

5) Реконструировать ту внутреннюю логику мировоззренческого поиска у Шестова, которая в итоге приводит к преодолению экзистенциальной тревоги посредством обращения к религиозному мифу.

Объектом настоящего исследования является творчество Льва Шестова, рассматриваемое в контексте общих для экзистенциализма тем тревоги и религиозной веры.

Предметом настоящего исследования являются темы тревоги и религиозной веры в их взаимном отношении, а также противопоставление абстрактного понятийного языка и религиозного мифа, как они представлены в творчестве Льва Шестова.

Теоретико-методологическая база исследования

В диссертации применяется комплексный метод исследования. Он включает обращение к различным методам их синтезу. Методологическую основу настоящего исследования составляют герменевтическое исследование текстов и сравнительно-исторический анализ исследуемых философских концепций. Диссертант стремился, с одной стороны, произвести тщательное исследование творчества самого Шестова, с другой – осуществить историко-философское сопоставление его наследия с творчеством ряда других родственных ему

мыслителей. В целом, диссертант руководствовался структурным подходом, в данном случае понимая под ним стремление к прояснению структуры мысли, и внутреннюю убежденность в том, что каждый конкретный элемент, выявляемый в результате анализа, может получить свое значение лишь в рамках структурно организованного целого.

Диссертант стремился прояснить особую, в случае Шестова, терминологию, но при этом старался избежать «спора о словах» и делал акцент на анализе рассуждений, ходов мысли, внутренней логики мировоззренческого поиска у исследуемого автора.

Положения, выносимые на защиту

1) Исходным пунктом философской работы является для Шестова ситуация экзистенциальной тревоги, которая находит свое выражение в трагическом вопрошании. Как цель мировоззренческого поиска выступает у Шестова снятие экзистенциальной тревоги. В этой связи Шестов также наследует проблему теодицеи, в той её радикальной формулировке, которую мы находим у В.Г. Белинского и Ф.М. Достоевского: эти авторы стремятся сопоставить веру в Бога с наличием частного, даже невинного страдания.

2) Для Шестова характерна специфическая структура экзистенциальной тревоги, при которой доминирующей её формой является тревога судьбы (в терминологии П. Тиллиха). Она проявляется в осознании зависимости человека от власти предзаданного анонимного порядка, который обрекает его на земное, «посюстороннее» страдание. Человек перед лицом анонимного объективного порядка отчужден от экзистенциальной и моральной осмысленности, находится во власти «случайностей» непонятной судьбы, не может принять свой удел. Эта форма экзистенциальной тревоги оттесняет у Шестова другие основные её формы – страх вины-осуждения и бессмысленности-пустоты.

3) Шестов, как мыслитель, склонен к заведомому принятию религиозного отношения к мифу, что позволяет ему производить мировоззренческий поиск в направлении, недоступном Унамуно или Камю, которые воплощают в своем

творчестве два других возможных способа отношения к религиозному мифу: соответственно, агоническое принятие-отстранение и категорическое неприятие. Кроме того, для Унамуно и Камю характерна и другая структура экзистенциальной тревоги – с акцентом соответственно на смерти-небытии и бессмысленности-пустоте.

4) Для Шестова на всем протяжении творчества характерно внимание к экстраординарным переживаниям, которые часто оказываются спровоцированными трагическим опытом. Внимание Шестова к экстазу и личному откровению, признаки которых он находит в творчестве мыслителей прошлого, а также его постоянный акцент на тайне и таинственном, дают основание для выделения мистической компоненты в творчестве Шестова.

5) Можно выделить три фундаментальных мифологемы мирозерцания Шестова: «творчество из ничего» (как предел произвола), «грехопадение» (как метафизическое обоснование иррационализма), грядущая эсхатологическая «отмена прошлого зла» (как нравственный коррелят теистического волюнтаризма).

6) Для мыслительного процесса Льва Шестова характерно постоянное взаимное преобразование абстрактных философских понятий и мифологически образов. На раннем этапе творчества мифологические образы выступают у Шестова в роли литературных метафор, затем, постепенно, их интерпретация приобретает у Шестова вес религиозной истины. Такого рода истолкование опосредуется исследованием экзистенциального опыта великих мыслителей прошлого. Библейский текст истолковывается посредством этого опыта, но и сам опыт истолковывается посредством библейского текста.

7) Взаимная интерпретация экзистенциального опыта и библейского мифа оказывается возможной потому, что религиозная интуиция у Шестова находится за рамками процесса философской рефлексии. Шестов может подвергать рассмотрению и своеобразному истолкованию содержание мифа, но сам миф как таковой не ставится им под сомнение. В этом смысле, философская работа, прежде всего критика, скепсис, выполняют у Шестова техническую функцию.

8) Посредством взаимного истолкования экзистенциального опыта (во многом, основанного на экзистенциальной тревоге) и библейского текста Шестов приходит к созданию собственной религиозно-философской концепции и находит путь к преодолению экзистенциальной тревоги.

Научная новизна исследования

В диссертации представлен новый подход к анализу и интерпретации текстов Шестова, предложен новый вариант реконструкции логики мировоззренческого поиска у этого автора. В центре внимания оказываются такие особенности структуры авторского мышления, которые зачастую не находят отражения в исследованиях, посвященных Шестову. Речь идет о той внутренней связи, которая существует между взаимным преобразованием философских понятий и мифологических образов в творчестве Шестова и его движением как мыслителя от изначальной ситуации тревоги к её преодолению. Это дает возможность заполнить существующие лакуны в изучении творческого наследия рассматриваемого автора.

При этом производится историко-философское сопоставление и обобщение: творчество Льва Шестова рассматривается в контексте родственных ему экзистенциалистских дискурсов Б. Паскаля, Ф. Достоевского, М. де Унамуно, П. Тиллиха, А. Камю. Такое историко-философское сопоставление также открывает новые возможности для понимания и интерпретации творчества Шестова.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты работы могут быть использованы при чтении учебных курсов по истории отечественной и западной философии, дальнейшего исследования творческого наследия Л. Шестова. Результаты исследования также могут быть применены в исследованиях по философии религии, религиоведению, психологии религии, экзистенциальной психотерапии.

Апробация работы

Основное содержание и выводы работы нашли отражение в публикациях автора. Кроме того, по материалам диссертации автором был прочитан ряд лекций и докладов: на научном семинаре РАШ РГГУ (2013), на втором курсе магистратуры РАШ РГГУ (2012), на пятом курсе философского факультета ГАУГН (2011 и 2012 гг.), на конференции «Бренное и вечное» (НовГУ, Великий Новгород, 2011).

Структура диссертации

Работа состоит из введения, трех глав и заключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, рассматривается степень её научной разработанности, определяются его цели и задачи, описываются методологические основания исследования, перечисляются тезисы, выносимые на защиту, характеризуется теоретическая и практическая значимость проделанной работы.

В первой главе «Тревога как отправная точка философского поиска у Льва Шестова» анализируется тема тревоги у исследуемого автора. Проводится сопоставление творчества Шестова с творчеством П. Тиллиха, М. де Унамуно, А. Камю.

В первом параграфе «Тревога и трагическое вопрошание в философии Льва Шестова» показывается, что состояние тревоги является отправной точкой философской рефлексии у Шестова. Это состояние находит свое выражение в «трагическом вопрошании» у Шестова. Трагическое вопрошание – это вопрошание о страдании и несчастье человека в мире, об их причинах и гипотетическом смысле. На этом пути Шестов максимально близко подходит к намеченной Белинским и Достоевским проблеме сопоставления идеи Бога с частным, в предельном случае, – невинным страданием. В постановке этой проблемы и нахождении путей её решения Шестов, по его собственным словам, видит «сущность философской задачи»¹. При этом раскрываются причины постепенного отхода Шестова от левой идеи и идеалов социального служения: индивидуалистический бунт против власти объективного порядка и необходимости делает идею социального прогресса принципиально недостаточной для Шестова.

Во втором параграфе «Дискуссия о понятии «экзистенциализм» в европейской философии» производится краткий анализ понятия «экзистенциализм», как оно употребляется в работах различных философов и историков философии. Это терминологическое рассмотрение имеет значение для

¹ Шестов Л. Сочинения в 2-х томах. - Томск: Водолей, 1996. Т 1. С. 263.

рефлексивного употребления термина «экзистенциализм» в ходе дальнейшего исследования.

В третьем параграфе «Аналитика экзистенциальной тревоги: Лев Шестов и Пауль Тиллих» осуществляется проекция развитой аналитики экзистенциальной тревоги у Тиллиха на творчество Льва Шестова. Это позволяет описать структуру тревоги у исследуемого автора. Показывается, что для Шестова характерно преобладание «тревоги судьбы» (Тиллих), в относительной автономии от «тревоги смерти», а также довольно сильный акцент на «тревоге вины-осуждения». Иными словами, Шестов, прежде всего, озабочен посюсторонним страданием, пределом которого может являться, в частности, гибель близкого человека, тогда как тревога смерти и загробного воздаяния отходит у Шестова на второй план.

Исторически первую попытку дать ответ на вопрос о частном страдании Шестов предпринимает посредством трагической драматургии Шекспира. Для Шестова Шекспир – своего рода истолкователь проведения, на подмостках театра делающий «тайное явным». Тайное же заключается в том, что нет никакой «случайности», что всякое страдание экзистенциально оправданно. При этом и Бог (или, шире, – «религиозное») уже присутствует, но присутствует как бы «дежурно», просто для того, чтобы сказать, что то, что наличествует, уже божественно, освящено светом божества. Гений Шекспира нужен Шестову для того, чтобы на сцене театра продемонстрировать это с той ясностью, которой никогда не удастся добиться в реальной жизни.

С другой стороны, Шестов акцентирован на моральной виновности и его творчество представляет собой постоянную критику идеи моральной вины, повторяющуюся попытку оправдания человека. С этой целью Шестов прибегает к «нравственному аномизму» (термин П. Тиллиха), стремясь преодолеть не эмоциональность человека (его «страсти»), но «случайности» судьбы.

Тема «тревоги бессмысленности-пустоты» занимает относительно скромное место в творчестве Шестова.

В четвертом параграфе «Три формы восприятия религиозной веры: Лев Шестов, Мигель де Унамуно, Альбер Камю» показывается, что наряду с

интуицией тревоги для Шестова свойственна основополагающая теистическая интуиция или, шире, вера в библейский миф. Производится сопоставление веры Шестова в библейский миф с отношением к этому предмету у двух других авторов экзистенциального направления – Милегя де Унамуно и Альбера Камю. Показывается, что творчество Унамуно и Камю дает нам пример другого возможного отношения к библейскому мифу: соответственно, агонического принятия-отстранения и категорического неприятия. При этом для Унамуно и Камю характерна и другая структура экзистенциальной тревоги. У Унамуно доминирует тревога смерти-небытия, у Камю – тревога бессмысленности-пустоты.

В основе философского вопрошания у каждого из этих трех авторов лежит идея трагического столкновения двух противопоставленных друг другу элементов. Однако у каждого автора форма этого трагического конфликта оказывается особенной. Если для Шестова трагическая ситуация человека обусловлена столкновением его эмоциональных потребностей с безличным объективным порядком, который оказывается враждебен ему, то у Унамуно трагическая ситуация порождается конфликтом внутри самого человека между его желанием жить вечно и разумом, который говорит, что жить вечно невозможно. У Камю трагическая борьба происходит между разумным человеком и неразумным миром, столкновение которых вызывает к жизни ситуацию абсурда.

Произведенное сопоставление позволяет в первом приближении понять ту специфику целеполагания и путей достижения поставленной цели, которые характерны для Шестова.

Во второй главе «Библейский миф и философское понятие в творчестве Льва Шестова» исследуется другая фундаментальная особенность мысли Шестова, а именно, – специфическая склонность этого автора к взаимному преобразованию абстрактных философских понятий и конкретных мифологических образов, то есть т.н. «мышление мифами» (Ю. Марголин) у Шестова. Эта особенность присуща мышлению Шестова на всем протяжении его творчества, но претерпевает с течением времени существенную эволюцию.

В первом параграфе «Категория «жизнь» у Льва Шестова» показывается, во-первых, как в творчестве раннего Шестова абстрактное понятие «жизнь», которое, фактически, предстает у философа соединением трех основных аспектов (сентиментальности, иррациональности и религиозности), теснейшим образом связывается с миром литературных и мифологических образов. Для Шестова жизнь, фактически, реализует себя в формах искусства и религии, тогда как наука и, шире, разум, являются причиной «омертвения». Именно тема превращения живого в неживое составляет у Шестова основное содержание таких постоянно упоминаемых им мифологом как «голова медузы», «жезл Меркурия», «дар царя Мидаса» и др. Конкретный, хотя и вымышленный, герой литературного произведения противопоставляется Шестовым научной или философской абстракции. Наряду с литературными персонажами фигурируют и мифологические, в частности, библейские герои, прежде всего, Иов и Авраам. При этом для раннего (1898-1903 гг.) Шестова вообще нет особой разницы между сферой литературы и сферой религии, они взаимно переплетены, почти неразличимы. С точки зрения Шестова, рационалистическая метафизика ориентирует человека на восприятие существующих в мире законов и закономерностей как безначальных и бесконечных, и тем самым поощряет этику атараксии – понимающего смирения, дарующего безмятежность. Такого рода путь «спасения» от экзистенциальной тревоги представляется Шестову неприемлемым. Шестов выступает с апологией «жизни» и противопоставляет её «смерти», «омертвлению», как тому, что приносят с собой «ужасы жизни» и разум, говорящий, что избавление от этих ужасов невозможно и что с ними нужно метафизически смириться.

Во втором параграфе «Творчество из ничего. Титаническое у Шестова» исследуется тот период творчества мыслителя, который можно ограничить приблизительно 1905-1911 гг. Этот период можно считать наиболее скептическим, и, вместе с тем, титаническим и гностическим у Шестова. Для этого периода характерна особенно сильная критика рационализма. В мифах Шестов теперь ищет то, чего ранее не нашел в литературе – а именно, преодоления экзистенциальной тревоги. При этом сам способ этого обращения к

мифологическому остается у Шестова ироническим – миф для него оказывается очередным орудием интеллектуальной провокации, с помощью которого можно разрушить любую метафизическую систему. Смысл этого действия заключается в стремлении обрести «божественный произвол» – возможность титанического могущества, возможность «творчества из ничего», которое нужно для преодоления судьбы. В этом пункте Шестов максимально близко подходит к учению о «Своеволии» у Кириллова («Бесы»).

В третьем параграфе «Дискуссия о понятии «мистицизм» в европейской философии» анализируется значение таких понятий, как «мистицизм», «мистика», «мистическое», как они предстают в работах различных философов и исследователей. Эта терминологическое рассмотрение имеет значение для дальнейшего хода исследования.

В четвертом параграфе «Мистическая компонента в философии Льва Шестова» показывается, что к концу рассматриваемого периода философ постепенно приходит к осознанию бессодержательности позиции титанического бунта, и акцент в его работах постепенно смещается в сторону более позитивной религиозно-философской мысли. Интерес к маргинальному опыту (болезни, осуждения, безумия) у философов и литераторов (Ницше, Достоевский, Толстой), постепенно отходит у Шестова на второй план, уступая место интересу к собственно религиозным переживаниям (Лютер, Паскаль, Плотин). Творчество Шестова в этот период, охватывающий приблизительно 1911-1927 гг., сконцентрировано на рассмотрении экстатического переживания последней духовной свободы, которая освобождает человека от власти тревоги судьбы и вины, открывает для него совершенно новый метафизический горизонт. Такого рода «откровения», подстегиваемые переживанием экзистенциальной тревоги, Шестов описывает на примерах из творчества многих мыслителей европейской истории. Здесь обнаруживается мистическая компонента в мирозерцании Шестова.

Неизменно Шестов констатирует, что такого рода прозрения оказываются недолговечными, обреченными на угасание и забвение. Человек не в состоянии

надолго сохранять чувство освобождения от пут разума и морали. Кроме того, этот экстраординарный опыт сам по себе оказывается сугубо индивидуальным, его нельзя передать людям, которые сами через него не прошли. В конечном итоге, побеждает «проповедь» – обращенная к «всемству» (термин Ф.М. Достоевского) доктрина, основанная на пережитом прозрении, но искажившая его почти до противоположности. Именно здесь возникает у Шестова вопрос о том, с чем связана эта трагическая неспособность человека к сохранению экстаза и тех откровений, которые он с собой приносит. Ответ Шестов находит в специфическом истолковании библейского сказания о грехопадении.

В пятом параграфе «Интерпретация библейского сказания о грехопадении у Льва Шестова» показывается, что восприятие сюжета о грехопадении было у Шестова различным в различные периоды творчества. Первоначально этот сюжет употреблялся им просто как литературная метафора, ничем принципиально не отличающаяся от метафор, почерпнутых из античной мифологии.

Для периода 1905-1911 гг. характерна провокационная, «гностическая» интерпретация этого сюжета. Шестов говорит о грехопадении:

«Это было седьмым, не записанным в истории днем творения. Человек стал сотрудником Бога, стал сам творцом»².

Лишь позднее, начиная приблизительно с 1927 г. интерпретация грехопадения приобретает окончательную, позднюю форму. В этом новом истолковании событие грехопадения оказывается по Шестову причиной наличия у человека теоретической способности, которая заставляет его смотреть на настоящее, как на вечное, на здешнее, как на повсеместное. Теоретическая способность закрывает для людей путь к метафизической свободе, отчасти доступной им теперь лишь в краткие моменты мистического восхождения. Шестов говорит, что «висевшие на запретном дереве плоды и были те синтетические суждения a priori, которые, как учил Кант, делают возможным наше познание и дают ему характер всеобщности и обязательности»³. Падший человек обречен оставаться в плоскости законов

² Шестов Л.И. Сочинения в 2-х томах. – Томск: Водолей, 1996. Т 2. С. 301.

³ Шестов Л. Сочинения. – М.: «Раритет», 1995. СС. 378–379.

разума, которые навсегда закрывают ему путь к искомому «спасению», ответу на вопрос Белинского-Достоевского о судьбе всякого гибнущего человека.

В шестом параграфе «Отмена прошлого. Лев Шестов как теистический волюнтарист» исследуется последняя главная мифологема мысли Шестова, в полной мере проявляющаяся в поздний период творчества (1927-1938 гг.), – мифологема об отмене прошлого зла по воле всеблагого и всемогущего Бога. Сама мысль о возможности отмены прошлого приходит к Шестову от богослова XI в. Петра Дамиани, и Шестов воспринимает её как искомое разрешение радикального вопроса о невинном страдании. Бог может *отменить* уже свершившееся зло, но чтобы поверить в это, мы должны осознать, что наша теоретическая способность, которая говорит о невозможности такой отмены, постоянно вводит нас в заблуждение, ибо является следствием грехопадения, «наущением дьявола». В представлении о всемогущем Боге находит свое последнее выражение столь долго мучавшее Шестова желание «творчества из ничего», которое необходимо человеку для избавления от «ужасов жизни», но актуально для него не доступно.

Посредством веры в библейский миф Шестов достигает искомого: власть Бога над «сотворенной истиной» столь безгранична, что он может (и хочет) отменить даже прошлое, и, напротив, дать человеку эсхатологическое спасение, вернув ему его конкретное достояние. Именно в этом контексте Шестов интерпретирует библейскую историю Иова: Бог возвращает Иову его погибших детей. Замученный ребенок Ивана Карамазова словно отождествляется в миросозерцании Шестова с детьми Иова и сыном Авраама Исааком, которых эти пророки должны принести в жертву Богу, но которых Бог, по окончании испытания, всё же не потребует или вернет.

В третьей главе «Логика мировоззренческого поиска у Льва Шестова» исследуются те сложные и противоречивые отношения, которые складываются между различными категориями («трагического», «тревоги», «веры», «жизни», «мистического», «иррационального», «божественного») в мышлении Льва Шестова на протяжении его творческого пути. Показывается, что мировоззренческая борьба Шестова идет за то, чтобы выяснить отношения между

этими категориями, найти для каждой из них подобающее место, снять экзистенциальные противоречия между ними.

В первом параграфе «Трагический путь от метафоры к мифу» реконструируется поступательное движение мысли Шестова от экзистенциальной тревоги и мифа, через посредство трагического опыта, к финальному религиозному примирению. Показывается, что у Шестова между библейским текстом и экзистенциальным переживанием имеется отношение круга в интерпретации: библейский текст истолковывается Шестовым в терминах умозрительной философии и, вместе с тем, умозрительная философия истолковывается в терминах библейского мифа (как следствие грехопадения). Здесь мы имеем дело с наличием особого мировоззренческого синтеза, который замыкает в круг мышление Шестова. Оно оказывается построенным на взаимном преобразовании абстрактных философских понятий и конкретных мифологических образов. Библейский текст также истолковывается Шестовым экзистенциалистски, а экзистенциальные переживания истолковываются библейски. При этом оказывается практически невозможным сказать, что имеет первичную истолковательную силу: понятийное философское мышление или мифологическое библейское повествование? Шестов формулирует свои трагические вопрошания в философских понятиях, а отвечает на них (истолковывает их) через мифологические образы. В свою очередь, сам библейский текст, источник этих мифологических образов, истолковывается языком философских понятий («плоды на запретном дереве – есть синтетические суждения a priori»).

Во втором параграфе «Предзаданность религиозной веры в миросозерцании Льва Шестова» показывается, что «порочный» круг взаимной интерпретации, который наличествует у Шестова между экзистенциальным опытом и библейским текстом, не является для него гносеологической или экзистенциальной проблемой. Напротив, мыслитель воспринимает открытый им путь философствования как род «спасительной» деятельности, как свое личное благовестие. Здесь обнаруживается граница собственно философского у Шестова,

за которой перестает существовать Шестов как философ, и начинается любой другой «Шестов» – человек «из плоти и крови», религиозный человек.

В значительной мере собственно «философское» у Шестова имеет инструментальный, служебный характер: главной задачей философской работы оказывается деконструкция теоретической способности. И именно здесь происходит самое загадочное и трудноуловимое движение мирозерцания Шестова: деконструкция спекулятивного разума каким-то незаметным образом «сама собой» переходит у Шестова в утверждение всемогущества библейского Бога. Мощный поток иррационального всемогущества, который Шестов избавляет от оков разума, не превращается в разрушительную волну абсурда (А. Камю), так как тут же отливается Шестовым в форму библейского мифа. Исходя из этого, можно заключить о специфической религиозной одаренности Льва Шестова, которая, через посредство мифа, позволяет ему вновь и вновь преодолевать экзистенциальную тревогу, превращая абсурд в последнее и страшное таинство.

В заключении кратко анализируется основное содержание работы и подводятся итоги произведенного исследования.

Основное содержание и выводы диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1) «Лев Шестов и Пауль Тиллих: аналитика экзистенциальной тревоги» // Философские науки. – М.: Академия гуманитарных исследований – №7/2013. – СС. 105–115.

2) «Тяжба об иррациональном: Лев Шестов и Альбер Камю» // Вестник РГГУ, №11 (112). – М.: 2013. – СС. 81–89.

3) «Истолкование библейского сказания о грехопадении в философии Льва Шестова» // Вестник РГГУ, №17 (97). – М.: 2012. – СС. 54–62.

Другие работы:

1) «Категория жизни в миросозерцании раннего Льва Шестова» // Дни аспирантуры РГГУ (выпуск 7, часть 1). – М.: 2013.– СС. 327-330.

2) «Лев Шестов: от левой идеи к религиозному экзистенциализму» // Бренное и вечное (материалы Всероссийской научной конференции с международным участием [13-14 декабря 2011 года]). Великий Новгород: НовГу, 2012. – СС. 346–351.